

ЗАЧЕМ НАМ В ЯЗЫКЕ ЧАСТИЧКА «НЕ». ЭВОЛЮЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР И ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ

Р. Э. Бараш¹, А. Ю. Антоновский²

¹ Русское общество истории и философии науки
Россия, 105062, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, каб. 2

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Поступила в редакцию 04.08.2021 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-5

Поставлена проблема универсального, общеязыкового смысла коммуникативных сообщений. Эта рамочная проблема подразумевает ответ на более конкретные вопросы. Существует ли реальность (коррелятивная смыслу суждений), которая гарантировала бы общепризнанность значений языковых выражений; стоит ли за морализаторством или суждениями вкуса какая-то действительность, обеспечивающая согласие в отношении ценностных суждений, если они становятся содержанием коммуникации? Что обеспечивает типовую идентичность ментальных состояний (мыслей, восприятий, представлений, ощущений) у разных индивидов, когда эти состояния тематизируются в коммуникации? Стоит ли за ними типовой коррелят в реальности, обеспечивающий идентичность ментальных состояний? Предложена рабочая гипотеза, согласно которой в качестве главного – внутриязыкового – эволюционного механизма, стабилизирующего ключевые коммуникативные смыслы, выступают пропозициональные установки как своего рода «носители» или каркасы типовых коммуникативных сред, косвенные контексты, в которых локализуется пропозициональный контент. Произведенные в языке косвенные контексты или операторы «я знаю, что...», «я надеюсь, что...», «я помню, что...», «я хочу, чтобы...», «я воображаю, что...» «защищают» предложения от отрицания и делают возможным воспроизводство общеязыковых смыслов.

Ключевые слова: семантика, эволюция семантики, отрицание, системно-коммуникативная теория, язык

1. Введение: амбивалентность смыслов как общая проблема философии языка, сознания и теории коммуникации

В фокусе внимания авторов настоящей статьи – проблема возможности удостовериться в действительном (универсальном, общеязыковом) смысле коммуникативных сообщений. Эта рамочная проблема подразумевает последовательное решение ряда более конкретных вопросов. В частности, в рамках данной статьи дебатировается вопрос существования *реальности* (коррелятивной смыслу суждений), гарантирующей общепризнанность значений языковых выражений, то есть

определение наличия за морализаторством или суждениями вкуса какой-то *действительности*, обеспечивающей согласие в отношении ценностных суждений в ситуации, когда они становятся содержанием коммуникации. Также важно определить, каким образом возникает *типовая* идентичность ментальных состояний (мыслей, восприятий, представлений, ощущений) у разных индивидов, когда эти состояния тематизируются в коммуникации. Стоит ли за ними соответствующий типовой коррелят в реальности, обеспечивающий идентичность переживаний (например, боли)?

На каждом из означенных уровней (*языковом, нормативном, эпистемическом, психическом*) эта всегда гипотетическая общность или идентичность смысла тематизируются сравнительно автономно. Эпистемологи, социологи, психологи, лингвисты ищут средства удостоверения общности коммуникативного смысла. Так, психологи и философы сознания пытаются обнаружить некую типовую физическую реальность причин и эффектов (повреждение органов и результирующих реакций, возбуждений нейронов), с которыми могут идентифицироваться или сопоставляться типовые ментальные состояния¹. Философы науки ищут в себе идентичную реальность, которая *стоит за* (и этим объединяет) различными теориями, например волновой и матричной версией квантовой теории (Suppe, 1974, p. 222) или социальной теории действия и социальной теории коммуникации². Социологи пытаются выяснить, что обеспечивает общность коммуникативного понимания, если говорящий имеет в виду будущее своего спича, к которому он ведет, а слушающему известно лишь некоторое прошлое (Schutz, 1974). Философы языка размышляют об универсальности или intersубъективности языковых правил, которые применяются при оценке конкретных речевых актов на предмет их осмысленности в условиях, где каждое конкретное высказывание, очевидно, согласуется с бесчисленным количеством правил или возможных смыслов (Kripke, 1982).

Эту общую для лингвистики, психологии, социологии, эпистемологии проблему можно, на наш взгляд, сформулировать в синтетическом смысле, как трансдисциплинарную проблему смысла, а значит, надеяться обнаружить и синтетическое решение. Ниже мы попробуем рассмотреть эти уровни в эволюционном аспекте. Мы покажем, что проблема общности смысла (слов, высказываний, мыслей, чувств, нормативных установок, правил) может быть редуцирована к некой обоб-

¹ Как «идентифицировать» болевое ощущение в условиях его «множественной реализуемости» (у больного, у человека, испытывающего фантомную или психосоматическую боль, мазохиста, марсианина, животного и робота) (Putnem, 1967, p. 37–48).

² Выявленная фон Нейманом эквивалентность волновой механики Шрёдингера и матричной механики Гейзенберга свидетельствует о том, что каждая из теорий выражает идентичный смысл в том же самом аспекте, в каком различные предложения, сформулированные различным образом языка («человек стоит на вершине пищевой пирамиды» и «Человек ест других животных, но не поедается ими»), описывают одно и то же положение дел, выражают идентичную «позицию».

щенной *реальности*, а именно к коммуникативному значению всех этих актов, которые так или иначе *реифицируются* (оптически, акустически, а сегодня — в электронном виде) в виде *сообщений* и в этом смысле получают некоторый *общий* материально данный, а значит, допускающий однозначную фиксацию знаменатель.

В *эволюционной* формулировке это означает, что почти очевидная невозможность однозначного установления референта, правила, смысла (то есть информации, извлекаемой из сообщений), которые скрываются за произнесенным или прочитанным высказыванием, их почти конститутивная амбивалентность является не только условием фундаментальной «темпоральной нестабильности смысла» (Э. Гуссерль), а значит, разногласий и конфликтов, но одновременно парадоксальным образом и условием кристаллизации и стабилизации коммуникативных систем (согласующихся друг с другом, тематически связанных последовательностей сообщений). Эти системы нуждаются в нестабильности своих элементов, в их *вариативности*, в допущении *отрицания* любого, даже самого достоверного и надежного смысла или правила. Именно эта вариативность обеспечивает автономное от внешней среды существование коммуникативных систем, свободную комбинаторику и воспроизводимость их элементов и, как следствие, гибкую адаптацию к трансформациям внешнего мира. Нестабильность коммуникативных смыслов способствует обособлению коммуникативных систем и, как следствие, их стабильному воспроизводству.

Поэтому проблема удостоверения общности может быть переформулирована. За всегда гипотетическими смыслами и правилами не следует искать общепризнанных значений, типовой реальности, которая служила бы общим знаменателем и условием консенсуса. Сама текущая коммуникация делает возможной кристаллизацию таких смыслов даже в условиях минимального консенсуса, гарантированного уже общим признанием фактичности сообщения, представленного в той или иной *материальной* (оптической, акустической, электронной) форме. Говоря другими словами, возможность *отрицать* любое высказывание, не соглашаться с моральной оценкой, отклонять научные теории, отказывать в подлинности чужим ощущениям и чувствам, с одной стороны, не противоречит наличию минимального консенсуса в отношении самого сообщения, а с другой — делает возможной адаптацию коммуникаций к внешней среде (независимо от ее понимания).

2. Отрицание и языковая вариативность

Итак, мы исходим из того, что *эволюция языка и семантики*, в том числе эволюция *социальных структур*, среди прочего основана на механизме языкового отрицания, наличия в языке частички «нет» как условия для кристаллизации избыточных смыслов, следовательно, для формирования *пула вариативности*, из которого черпаются вариации для последующего эволюционного отбора наиболее успешных, адаптивных к среде и способных к воспроизводству элементов тех или иных систем

(языковых, психических, коммуникативных)³. Все, что утверждается, может быть подвергнуто отрицанию. Благодаря этому осуществляется дубликация: язык создает две параллельные версии внешнего мира, негативную и позитивную, и этим обеспечивает независимость вербальной коммуникации от описываемой языком фактичности. Однако, создавая независимую от внешнего мира коммуникативную систему, где слова не тождественны вещам, а сообщения могут комбинироваться и перекомбинироваться относительно независимо от описываемых в них положений дел, языковая вариативность несет опасности для социального порядка. Ведь посылаемые сообщения, претендуя на приоритет и выступая запросом на контакт, требуют соответствующей реакции: подчинения, внимания, ответа, согласия и т.д. Однако отрицание предложения, и в этом смысле предложенной коммуникации, может истолковываться как отклонение запроса на общение, как непризнание собеседника за равноправного партнера или вышестоящего в социальной иерархии индивида. Ранние формы религии, прежде всего в форме табу, были нацелены на борьбу с отрицанием, что предполагало отказ от общего знания и общего обсуждения реальности внешнего мира как табуированной тематики (Barth, 1975, p. 35; Луман, 2005, с. 73), обеспечивая таким образом консолидацию родовых сообществ. Ситуация языкового позитивно-негативного параллелизма и сегодня требует специальных механизмов компенсаторной стабилизации.

3. Языковые парадоксы: функциональна ли фикциональность языка и нужно ли от нее очищаться?

Проблемы *мир-языкового параллелизма и его рассогласованности* хорошо известны в аналитической философии, в рамках которой ставилась задача согласования мира и реальности через изгнание неосмысленных, парадоксальных и *не имеющих референтов* высказываний. Эта борьба с языковой избыточностью велась по четырем направлениям, в рамках каждого из которых должны были быть устранены языковые парадоксы (Russell, 1905).

(1) Парадокс идентичности состоял в том, что некоторые эквивалентные высказывания («Марк Твен есть Марк Твен» и «Марк Твен есть Самюэль Клеменс») логически эквивалентны, но при этом могут различаться как контингентное и апостериорное, с одной стороны, и априорное и аналитическое — с другой).

(2) Парадокс субститутивности состоял в том, что при подстановке эквивалентных (по своему референту) имен одни предложения оказываются истинными, а другие — нет. Так, предложение «Марк Твен известен как автор «Приключений Тома Сойера»» истинно, тогда как высказывание «Самюэль Клеменс известен как автор «Приключений Тома

³ Здесь и далее мы опираемся на схему обособленных эволюционных механизмов Кэмпбелла — Лумана: вариации, селекции, стабилизации (Luhmann, 1998; Kampbell, 1960).

Сойера”» оказывается ложным. Но если истинностные значения зависят от референтов как «производителей истинности», то истинностное значение должно быть одинаковым в обоих случаях.

(3) Парадокс несуществования («Шерлок Холмс — известный сыщик», «Нынешний король Франции лыс») проистекает из двусмысленного статуса референта фиктивных имен собственных. Обозначает ли имя «Шерлок Холмс» кого-то, кого на самом деле не существовало? Если предложение «Нынешний король Франции лыс» ложно, то король должен существовать, и тогда оно истинно. Если же оно истинно, то и в этом случае он должен существовать. Но его не существует и, следовательно, данное сообщение не истинно и не ложно. Это очевидно нарушает закон исключенного третьего, с чем Рассел не мог примириться.

(4) Парадокс отрицательного существования («Шерлок Холмс не существует») состоял в том, что имя «Шерлок Холмс» указывает на объект, который хоть и не существует, но остается референтом данного имени и в этом смысле «существует». Однако в этом случае само предложение неверно.

При этом создаваемый повседневным языком параллельный мир (отрицаемых состояний, оксюморонов («круглый квадрат»), ложных утверждений, фиктивных имен и т.д.), получивший название «джунглей Мейнонга» (Routly, 1980), не лишен и логической консистентности (Reicher, 2019). Ведь если из лжи следует ложь (а следование логически формализовано как материальная импликация), то само высказывание — истинно. Из того, что «луна сделана из сыра», следует, что «дважды два пять». Именно в этом смысле можно понимать странное утверждение Фреге о том, что значениями предложений (*Bedeutung*) являются такие необычные объекты, как истина и ложь. В этом смысле все ложные предложения относят себя к *одному* объекту, а значит, оказываются эквивалентными по своему значению.

Конечно, парадокс «негативных экзистенциалов» («Король Франции не существует», а значит, «Существует такой *X*, который не существует») логически может быть разрешен путем применения отрицания ко *всему* предложению, а не к «свойству существования». Тогда предложение формализуется в виде «*Неверно, что существует *X* такой, что он король и он существует*», что устраняет парадокс. Но проблема в том, что при отрицании предложения в нашем повседневном мире мы отрицаем именно существование свойства объекта, а не все комплексное высказывание, а значит, тематизируем (ставим в центр коммуникативного обсуждения и интереса) несуществующие фигуры и объекты, а не комплексные, связанные в длинные формализации положения дел. В нашем мышлении и языке (в семантической реальности) мы реифицируем, гипостазуем несуществующие сущности. Кроме того, это логическое решение не объясняет нам, почему означенные парадоксы, трудности и двусмысленности не исчезают из языка сами по себе путем языковой эволюции, в тенденции, ведущей к уменьшению сложности и облегчению понимания. Другими словами, почему в нашем, как минимум, повседневном мире эти высказывания не вызывают трудностей в понимании и онтологической локации «проблемных объектов». Все

они воспроизводятся (возникают, отбираются и закрепляются в эволюционном смысле) снова и снова. Почему в самом языке не рождается механизмов самоочищения от несуществующих «семантических артефактов»? Напротив, они хорошо совместимы с практическим словоупотреблением и не вызывают герменевтических затруднений.

Язык для чего-то снова и снова генерирует подобные фикции, а значит, за этим явлением должны стоять какие-то функциональные свойства языка. Мы объясняем эту функцию тем, что такого рода неукорененные во внешней реальности семантические артефакты («круглый квадрат», «нынешний король Франции», но также и «государство», «народ», «общество», «нация» и т.д.) связаны с автономией языка как медиума коммуникации. Это генеративное свойство позволяет дистанцироваться от внешнего мира, создать параллельную семантическую реальность, в рамках которой можно относительно свободно комбинировать элементы («бирки Витгенштейна»), а затем сравнивать полученные модели с реальной миром или с его возможными проектами. Ведь и отрицательным числам не соответствуют никакие множества реальных объектов (как их референты), не говоря уже о мнимых числах. Но математики не стремятся избавиться от этого неприятного обстоятельства. И социальные теоретики спорят о том, что означают понятия «государство», «общество», «этносы», но не могут договориться, как зафиксировать их пространственно-временные физические границы, о том, где и когда они начинаются и заканчиваются, рождаются и умирают. Однако это не мешает ориентироваться на эти символы как смыслы «патриотического воспитания». Впрочем, и физики (например, в молекулярно-кинетической теории) используют переменные, для которых не требуется искать внешние корреляты (Campbell, 1957, p. 122)⁴.

Напротив, лингвисты, следуя теории дескрипций Бертрانا Рассела и общенаучному принципу эмпирической подтверждаемости, снова и снова связывают семантическую реальность с реальной реальностью, редуцируют первую к функции описания второй. Но тем самым язык словно утрачивает другую ключевую функцию — создавать языковые избыточности и выходить за пределы описываемого. Так, Рассел отказался и от фрегевского понимания личных имен как обладающих собственными смыслами, относительно независимыми от значений (референтов) в силу того, что постулирование первого в отрыве от второго является избыточным; и от мейнонговской идеи обозначения именами несуществующих объектов. Это, среди прочего, низводит язык к описательной или информационной функции за счет отказа от функции конструктивной или проективной, которые язык очевидно выполняет.

⁴ Нет ни необходимости, ни возможности зафиксировать «корреспонденцию» между термином «скорость молекулы», включенным в МКТ, и экспериментально подтвержденными фактическими скоростями реальных молекул. Используется понятие *средней квадратичной скорости*, которое находит экспериментальное подтверждение и в этом фикционально усредненном смысле корреспондирует с реальностью.

С нашей точки зрения, именно языковая способность отрицания наличных и удостоверенных положений дел делает возможной проективную функцию языка, которая требует введения в том числе и фиктивных значений.

4. Проективная функциональность языковых отрицаний

Ложные, фикциональные, амбивалентные суждения, как и суждения, отрицающие фактические обстоятельства, оказываются возможными потому, что у самой частички «не» не обнаруживается коррелята в окружающей природе. В реальном или «позитивном» мире нет никаких отрицательностей или не-существований. Утверждение о несуществовании объектов или ложности истинных суждений делается из перспективы и внутри самого языка. Но можно сказать по-другому. Этими коррелятами языковых отрицаний выступают «возможные миры» или контексты суждений, которые — уже в перспективе того или иного наблюдателя, например социолога или философа, — кристаллизуются как следствия различения необходимо-истинных и случайно-истинных суждений. Так, частичку «не» можно добавить к любому случайно-истинному позитивному утверждению («На улице идет дождь»), и тогда это суждение все-таки может получить значение истинного в некотором особом мире (например, в фиктивном, но возможном мире, где погода сложилась по-другому, или в мире субъективных желаний, надежды на сухую и солнечную погоду). Частичка «не» умножает высказывания, высвобождает язык от необходимости жестко коррелировать с реальностью. То, что языковой мир более вариативен, чем мир фактический, в числе прочего объясняет и то удивление, которое мы испытываем, когда анализируем материальную импликацию. Импликация «Если я умер, значит, я пишу статью» истинна, ведь она эквивалентна истинному суждению «Я не умер или пишу статью».

Такое привносимое языком «умножение сущностей» (избыточной информации, ложных или неподтвержденных, неупорядоченных, амбивалентных утверждений, гипостазирования несуществующих объектов, отвлечений от темы обсуждения) лингвисты и философы считали чем-то не функционально необходимым для языка, а скорее запутывающим, избыточным и несоответствующим общим прагматическим коммуникативным установкам. Означенные требования избегать высказываний, избыточных в контексте темы или диалога, формализовались в «принципе кооперации» или коммуникативных импликатур (максимы информативности, истинности, релевантности, ясности) (Grice, 1989). Импликатуры Грайса, в свою очередь, требовали сближения языка и реальности, обязывали его быть более экономичным, общаться по существу дела и не изобретать дополнительных модальностей.

Эти импликатуры, как и правила, имплицитно ограничивающие языковую вариативность, вырабатывались эволюционно и имели своей функцией стабилизацию текучих, темпорально нестабильных, мгновенных по самой своей сути речевых актов. Эти правила призваны кон-

тролировать и канализировать коммуникацию и не исключали репрессивных санкций: избыточные в контексте диалога высказывания и неочевидные выводы зачастую интерпретируются как психическая девиация, а избыточные отрицания (социального порядка, обязательных коллективных решений, ценностных нормативных установок) до сих пор рассматриваются как следствие дефицита социализации, как социальная девиация или форма социального протеста.

Эти требования, эксплицитно формализованные в импликатурах Грайса, отфильтровывающих «неудачные» языковые комбинации, собственно, и образуют эволюционный механизм *отбора*, надстраивающийся над первичным механизмом эволюционного *варьирования*. Такие импликатуры имплицитно кристаллизовались в процессе эволюции самих эволюционных механизмов: с одной стороны, основанного на частичке «не» обособления — механизма языкового варьирования; с другой стороны, механизма селекции, ставшего результатом изобретения письменности и сделавшего возможным эксплицитное формулирование грамматических, дискурсивно-коммуникативных, моральных, ценностных, правовых, политических, хозяйственных правил и норм, получающих самостоятельные формы бытия (учебники, кодексы и т. д.), независимые от воплощающих их (или отклоняющихся от них) фактических действий и коммуникаций⁵. Появление письменности в середине IV тысячелетия в Месопотамии маркирует разрыв между эволюционными механизмами варьирования и отбора: между фактическими действиями и коммуникациями, с одной стороны, и правилами отбора действий и коммуникаций — с другой.

Избыточность языковых вариаций, основанная на возможности отрицания путем применения частички «не», есть условие эволюции и, как следствие, автономизации и самозамыкания языка, его способности дистанцироваться от реальности через создание самовоспроизводящейся семантической реальности, валидность утверждений которой зависит лишь от ранее произнесенного и того, что будет произнесено позже⁶. Но она же выступает условием кристаллизации социальной нор-

⁵ В этом смысле утверждаемое Гидденсом понятие «структуриации» (Giddens, 1984), где правила и реализующие их операции интерпретируются как *единый* или синтетический процесс, не учитывает метаразличия эволюционных уровней: вариативной избыточности (действий, речевых актов) и редуцирующих эту избыточность процессов селекции посредством *правил отбора* действий или речевых актов.

⁶ Это эволюционное свойство *самовалидации новообразованных признаков* в отношении языка означает, что некоторые слова, понятия, суждения отбираются не в силу лучшей приспособленности к внешнему миру (инореференциальности как точных описаний внешнего мира), а в силу ранее продемонстрированного успеха. Дело не только в том, что они лучше описывают фактические положения дел. Они вызывают реакцию (удивления, интереса), благозвучны, остроумны, неожиданны или, наоборот, привычны и удостоверяют общее согласие безотносительно тех описываемых референтов, которые стоят за выражениями языка.

мативности — *fac quod habes et ess.* Это значит, что «должное» как следование правилу теперь утверждается независимо и вопреки (социальной) реальности. В этом смысле и правила как выражение мира должного оказываются следствием отрицаний реальности и важнейшим эволюционным условием, в том числе *внутреннего* отбора. Правила во всем их многообразии — правовые законы, имплицитные культурные нормы (включая грамматику), нормативные ожидания в самом широком смысле — означали появление *наблюдения второго порядка*. При этом процесс взаимообособления первого уровня, то есть фактических операций (действий, коммуникаций, ментальных состояний), с одной стороны, и правил (оценки, отбора и акцептации соответствующих операций и состояний) — с другой, не остановился на уровне языка, но производил эффекты и для психических систем (представленных в последовательностях ментальных актов). Так, с появлением института исповеди возникли и правила для «правильных переживаний» и мыслей, о которых тоже следовало давать отчет специальной инстанции — священнику, словно осуществляющему внешний отбор, если не срывает отбор внутренний. Лишь на этом уровне наблюдения второго порядка появляется возможность не только *сравнить* фактическую речь и языковые правила как отдельно бытийствующие реалии, но и ставить вопрос о *правильности переживаний* (мыслей, фантазий, надежд и т. д.).

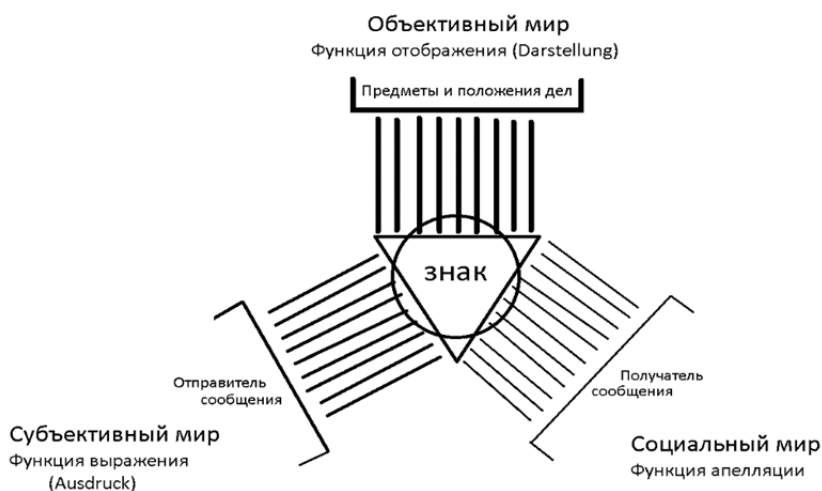
Итак, взаимное обособление эволюционных механизмов вариации и механизмов селекции стало условием ускорения языковой эволюции. Возникают сообщества (первоначально это были писцы, учителя, священники и т. д.), специализирующиеся на наблюдении второго порядка, на *отборе и отклонении* вариантов или «языковых мутаций», поставляемых языком вместе с его способностью производить с избытком все новые и новые предложения и новые, невиданные и неслыханные ранее комбинации слов и мыслей. Вследствие такой вариативности возникает множество референций, контекстных миров, к которым относятся высказывания и в контексте которых они могут быть осмыслены. Эти миры выступают, с одной стороны, продуктом, произведенным высказываниями, а с другой — становятся условием их эволюционного отбора. Рассмотрим одну из популярных классификаций такого рода внешних миров.

5. Миро-референции Юргена Хабермаса

Теория коммуникации, разработанная Юргеном Хабермасом (Habermas, 2003), основывалась на «органон-модели» языка Карла Бюлера (см. схему ниже) (K. Bühler, 1934, p. 28) и теории речевых актов Джона Остина. Ключевая идея состояла в том, что всякое высказывание (не обязательно в форме предложения) может быть проинтерпретировано как реферирующее к трем мирам: объективному, субъективному и социальному. По отношению к каждому из них высказывание выполняет соответствующие функции: *описания* внешнего мира, *выражения* содер-

жания сознания и *апелляции* к Другому. Например, выражение «идет дождь» осмыслено в трех контекстах: как описывающее погоду, как выражение эмоции (например, сожаления) и как призыв оставаться дома.

Модель органа Карла Бюлера

Все свои референции высказывание производит одновременно, хотя каждая из них может получать приоритет — неважно, с точки зрения самого высказывающего или в перспективе других участников коммуникации. Если рассматривать суждение с точки зрения его функции «порождения» означенных референций (описываемого объекта, эмоции и апелляции), то соответствующие миры могут пониматься и в эволюционном смысле — как *средовые условия отбора более удачных суждений*. Некоторые отнесения к мирам, содержащиеся в высказываниях, в большей степени (а некоторые в меньшей) «отвечают» условиям, адаптивны или неадаптивны соответствующим структурам этих миров. Порожденные языком новые «семантические артефакты» в силу большей адаптивности могут со временем утверждаться и пролиферировать, принимая форму понятий, устойчивых предметностей, норм, габитусов, типов коммуникаций, не исключая и разного рода «фиктивных» сущностей («круглый квадрат», «нынешний король Франции», «вечный двигатель» и т.д.), то есть не только отбираться как удачные в некотором данном контексте и моменте времени, но и стабилизироваться, то есть входить в саму структуру этих внешних миров. Так, *на третьей эволюционной стадии* (эволюционной стабилизации или ретенции) их отбор и регулярное воспроизводство в коммуникации могут приводить и к постепенному перемещению из актуальной речи в собственно *язык*, структурно дифференцированный на означенные миры или контексты, в котором данные устойчивые выражения занимают свое локальное место. В этом случае данные сущности (как типы предметов, типы экспрессий, типы долженствований и т.д.) уже и сами начинают служить критериями отбора (принятия или отклонения новых предложений, речевых актов).

В этом смысле область «объективного мира» не обязана исключать «типы бытия», включающие «несуществующие сущности» в смысле Мейнонга. В противном случае горизонты (миры, измерения) коммуникации (в смысле Хабермаса) утратили бы *симметричность*. Ведь в *субъективном* мире нет никаких асимметрий, заставляющих отказываться от *негативных* экспрессий в отношении внешней реальности в пользу *позитивных*. Никто не скажет нам, что негативные эмоции существуют по какому-то недоразумению, например как результат невыполнения требования «эмоциональных импликатур»; никто не требует от нас очистить субъективную жизнь от негативных эмоциональных реакций на некоторые аспекты внешнего мира. Так же и в социальном мире нет никаких асимметрий в пользу позитивных императивов и исключения негативных (запретов или санкций) в отношении к социальному миру. Поэтому требования к объективному миру запрещать отрицание фактических положений дел и избавляться от «негативных экзистенциалов» выглядят экстравагантными и отклоняющимися от общего стандарта внешнемировых измерений, ведь уже само понятие мира, горизонта или контекста предполагает позитивные и негативные значения внутри его измерений.

В этом случае пришлось бы отказаться от перформативного понимания речевых актов как социальных действий⁷, производящих действительные результаты в виде отнесений к соответствующим внешним мирам. Эти целевые результаты сам Хабермас называет «притязаниями на значения» (*Geltungsansprüche*). Те или иные речевые акты отбираются как успешно прошедшие сито «внешнего отбора», как реализовавшие свои притязания на место в том или ином внешнем мире в том случае, если они действительно произвели задуманные эффекты на основе критериев, различающихся по каждому из миров. Речь идет о *критериях истинности* в объективном мире, о критериях *правильности* (*Richtigkeit*) в социальном мире и о критериях *убедительности* (*Wahrhaftigkeit*) в субъективном мире. Ведь результаты отрицаний вполне способны реализовывать эти «притязания на значимость», то есть производить собственные продукты и эффекты, в данном случае — *истинность, правильность и убедительность*.

Конечно, это не означает, что та или иная тематизируемая референция есть новая предметность, новое долженствование, новая выразительность, которая в случае ее «естественного отбора» *тотчас* становится неким «мемом» (то есть частью «языка как медиума»), сразу же попадая в соответствующий «внешний мир», а значит, может теперь и сама использоваться как утвердившееся языковое *правило* естественного отбора высказываний, претендующих на эволюционный успех. Рассмотрим подробнее процесс эволюционного отбора правил отбора языковых выражений.

⁷ В этом понятии *перформативности* речевого акта снимается различие между процессуальным и субъект-предикатным способами мыслить и высказываться (Смирнов, 2019, с. 5 – 17, 48 – 60).

6. Языковые правила: аргумент Крипкенштейна

Чтобы поставить вопрос о «правилах вообще» в самом широком смысле как эволюционном механизме «естественного отбора» тех или иных вариаций (коммуникативных сообщений, действий, ментальных актов и т.д.), рассмотрим проблему *языковых правил* в том виде, в каком она была поставлена Саулом Крипке. С точки зрения Крипке (Kripke, 1982), ссылающегося на Людвиг Витгенштейна, мы не можем быть уверены в правильности нашей реконструкции того или иного смысла или правил, которые мы подразумеваем в процессе интерпретации чужого высказывания. Так, предложению «57 + 68» в нормальном случае приписывается эквивалентное значение (или смысл) «125» на основе правила «ПЛЮС». Но ведь диапазон действия правила не может определяться ничем, кроме действия других правил, и поэтому не исключена возможность, что было использовано другое правило (например, правило КВУСА). Согласно КВУСУ, все числа, сумма которых не превышает 57, «квусируются» по правилам сложения, а начиная с числа 57 результат «квусирования» неизменно равняется числу 5. Поэтому в нашем случае результат будет равен числу 5, ведь мы применили другое правило, а вовсе не то, которое использовал наш контрагент.

Как же мы можем получить достоверные фактические данные о том, что используется соответствующее правило, а значит, из предложения должен быть извлечен соответствующий смысл? Конечно, можно сослаться на прошлые предложения, где ранее уже использовалось правило ПЛЮСА. Но ведь до определенного предела (до числа 57), ПЛЮС и КВУС неотличимы друг от друга. Поэтому не исключено, что в прошлых случаях как раз и использовался КВУС. Можно апеллировать к самой процедуре сложения как *соединению* двух множеств фактических предметов (например, 57 и 68 яблок), как и к процессу обучения сложению на фактических примерах (например, обучение счету через прибавление все новых и новых единиц). Однако и в этом случае используется всего лишь еще одно правило, скажем, правило счета (counting). Но где гарантия, что в процессе обучения действительно применялось правило счета (counting), а не какое-то другое (quounting), согласно которому до определенного предела яблоки следует складывать в одну кучку, а затем часть из них убирать, пока не останется лишь пять. Ведь правила, призванные определить валидность других правил, и сами могут получать «девиантную» интерпретацию.

Конечно, прозрачность смысла или правила, казалось бы, обеспечивается ментальным контентом (ментальным образом процедуры сложения) как неким гарантом правильности нашей интерпретации высказывания. Однако и здесь возникли возражения. Ведь для понимания смысла в нормальном случае не требуется привлечение ментальных коррелятов. Всего лишь за минуту мы способны произнести десятки слов и предложений, при том что вербализация абсолютного большинства из них не сопровождается актуализацией их ментальных кор-

релятов в нашем сознании (однако это не является каким-то препятствием для понимания и продолжения осмысленной коммуникации). Кроме того, всякое предложение или слово совместимо с бесчисленным количеством коннотирующих и противоречащих друг другу ментальных презентаций (Miller, 2000). Говоря «крыса», я могу представлять как животных, так и людей. При этом (по крайней мере применительно к сложению) не совсем ясно, какой именно образ представляет в сознании операцию сложения, так как, осуществляя математические действия, мы, как правило, механически складываем числа, не визуализируя в своем мышлении этот процесс.

Наиболее перспективной из всех возражений нам представляется версия Майкла Морриса (Morris, 2006, p. 74–93), согласно которой смыслы и правила можно понимать как диспозиции или диспозиционные предикаты. Диспозиционные предикаты представляют свойства (в данном случае правила), актуализирующиеся только при наступлении определенных обстоятельств. Так, суммирование есть диспозиция, свойственная вычисляющим людям в нормальных ситуациях. И если в операциях или интерпретациях актуализируется другая диспозиция (например, квасирование), то это не лишает правило *само по себе*, как нормативное установление, его валидности или стандартного интерпретационного значения. Диспозициональность правила предполагает модус *возможности*, а не необходимости. Поэтому экстравагантная диспозиция девианта, использующего правило КВУСА, никак не компрометирует *нормативность* и *необходимость* правила ПЛЮСА, которое «должно» применяться при интерпретации выражений сложения в стандартной ситуации. Впрочем, и на это решение нашлась масса контраргументов.

7. Различение нормативных и когнитивных диспозиций (ожиданий) как решение парадокса Крипкенштейна

Очевидно, однако, что это решение не исключает амбивалентности в интерпретации «заложенного» Другим смысла, хотя и постулирует однозначность «объективных», нормативно определенных или стандартных смыслов высказываний как бы *самих по себе* — безотносительно применений экстравагантных правил специфическими людьми.

И все-таки это решение представляется плодотворным, если не в плане установления однозначности смысла, то в плане фиксации означенной *амбивалентности*. Мы, в свою очередь, исходим из *диспозиционального* понимания смысла и правил, но будем связывать диспозициональность таких индивидуальных правил с нормативными и когнитивными ожиданиями, открывающими простор для эволюции выражений (эволюционный механизм варьирования) и эволюции правил (эволюционный механизм селекции).

Такое *расхождение* между атрибутируемым смыслом (правилом, связанным с утверждением, например с «классической» операцией суммирования, в рамках которой осмысляется выражение « $67 + 78 = 125$ ») и

неким иным возможным смыслом, подразумеваемым автором выражения (квусированием в виде « $67 + 78 = 5$ »), на наш взгляд, является фундаментальным. Оно вытекает из фундаментальной амбивалентности между нормативными и когнитивными ориентациями или ожиданиями (диспозициями), словно разделяющими специфические коммуникативные системы, сосуществующие в современном обществе. Поэтому всякая коммуникация оказывается перед выбором той или иной интерпретации. Можно проинтерпретировать сообщение как некое ошибочное или не согласующееся с обычным словоупотреблением или правилами, как отрицающее правила и даже реальность. В обоих случаях (и когнитивных, и негативных ожиданий) актуализируется уровень наблюдения второго порядка; правила или нормы, обычно функционирующие латентно и не попадающие в фокус рефлексии коммуницирующих лиц, *сами* получают резонанс и, как следствие, эксплицитное выражение. При этом *в условиях доминирования нормативных ожиданий* в некоторых коммуникативных средах (внешних мирах, осуществляющих отбор суждений) эти «поврежденные» в ходе их отрицания правила и нормы лишь *упрочивают* свои позиции.

Однако в условиях подходящей коммуникативной среды (например, если коммуникация осуществляется в рамках научной, а также какой-то иной скептически или когнитивно ориентированной коммуникации) может вставать вопрос и о валидности и возможности трансформации самого правила, как и о том, какое правило более уместно в данной ситуации, и о том, не должно ли оно в этом случае само подвергнуться отбору или отклонению.

Применительно к аргументу Крипкенштейна это означает, что переход от ПЛЮСА к КВУСУ не является каким-то парадоксом *неправильного правила*. Или, другими словами, этот парадокс разрешается путем различения разных эволюционных уровней. То, что на уровне оценки и отбора самого суждения кажется девиантным (КВУС), на уровне оценки и отбора *правил отбора* может получить оправдание в зависимости от той коммуникативной среды, к которой апеллирует высказывание. Другими словами, понимание того или иного правила как стандартного или экстравагантного будет зависеть от позиции, которую наблюдатель припишет автору высказывания в рамках соответствующих коммуникативных миров. Не существует каких-то онтологически окончательных смыслов. Каждое высказывание в зависимости от притязания на локализацию в той или иной коммуникативной среде предлагает тот или иной выбор в пользу утверждения или отклонения от правила, и этот выбор канализирует коммуникацию в том или ином направлении. Либо она встречает когнитивные социальные ожидания (чаще всего в науке, искусстве), где и правило КВУСА может оказаться в фокусе рефлексии и получить обоснование, либо сообщение сталкивается с нормативной ориентацией (например, в рамках правового, религиозного или морализирующего коммуникативного внешнего мира), где прегрешение против нормы и правил санкционируется как недопустимое.

Выбор и последующая интерпретация создают *проблему*, и это придает коммуникации динамизм. Благодаря этому снова и снова актуализирующемуся выбору коммуникация, собственно, и приобретает системность, то есть выстраивается в последовательности взаимно соотнесенных обсуждений прозвучавших высказываний — на предмет их адекватности правилам, и правил — на предмет их адекватности для оценки и отбора тех или иных отклоняющихся от нормы суждений.

Если использовать понятия системно-коммуникативной теории, языковые правила, включая и правила грамматики, представляют собой *медиум* (медиаальный субстрат как область слабых сопряжений), в рамках которого допускаются самые разные комбинации потенциально возможных комбинаций и перекомбинаций элементов (слов, предложений). А каждое высказывание как форма этого медиума манифестирует *жесткую связь* с ограниченными возможностями подсоединения новых элементов в зависимости от ориентации на нормативные (где *правило* выше высказывания) либо когнитивные социальные ожидания (где *высказывание* выше правила и ставит само правило под вопрос). В эволюционно-коммуникативной перспективе это означает, что нормативные ожидания отвечают за эволюционный механизм «естественного отбора» сообщений, соответствующих «укоренившимся» (всегда в рамках того или иного коммуникативного медиа) правилам. Когнитивные ожидания, напротив, отвечают за эволюционные механизмы варьирования, мутации, проблематизируют и дестабилизируют «утвердившиеся» правила, требуют их дополнительного обоснования и т. д.

Возникает, однако, вопрос о пределах такого *когнитивного релятивизма* в условиях доминирования когнитивных ожиданий. Можно ли найти и обосновать какие-то объективные *критерии естественного отбора правильных правил*?

8. Аргумент Крейга Деланси: стабилизация языковых правил на третьем эволюционном уровне

Трудности с эмпирическим обоснованием валидности правил, определяющих выбор, осмысленность, понятность (и, как следствие, акцептацию или отрицание) тех или иных высказываний, можно было бы преодолеть путем привлечения ряда *прагматических* аргументов. Такого рода прагматический анализ правил должен осуществляться уже на некотором третьем наблюдательном уровне. Конечно, и прагматические правила остаются правилами. И все-таки прагматическое обоснование правил могло бы прояснить ту относительно долговременную стабильность, которая свойственна правилам, в отличие от мгновенно актуализирующихся и тут же деактуализирующихся речевых актов. С эволюционно-коммуникативной точки зрения на прагматическом уровне мы имеем дело с третьим эволюционным механизмом (ретенции, стабилизации, или уровнем формирования популяции). Ведь нет никаких гарантий, что несколько раз примененное новообразованное правило в конце концов стабилизируется, войдет в учебники

грамматики или математики и будет использовано повсеместно. Оно должно преодолеть некий порог всеобщей акцептации, а значит, доказать свою глобальную или хотя бы локальную оптимальность в многомерном «фитнес-ландшафте» окружающей среды (Gavriletz, 2004), или, в нашей терминологии, в соответствующем коммуникативном внешнем мире.

Такое прагматическое *правило стабилизации правил* было предложено Крейгом Деланси. С его точки зрения (Delancey, 2007), у атрибутируемых смыслов или правил обнаруживается различная и в каком-то смысле *объективная* мера простоты или сложности в рамках ряда измерений, в которых могут быть исчислены их прагматические (коммуникативно-значимые) критерии эффективности. Предположительно, в темпоральном горизонте коммуникации может быть измерена прагматическая осмысленность применения и отбора тех или иных правил. Так называемая *комплексность Холмогорова*, определяемая сравнительной длиной строчек программы, которая использует оператор ПЛЮС или КВУС, является той самой искомой мерой, которая и обуславливает выбор соответствующего оператора. С точки зрения этого критерия был бы выбран ПЛЮС, как правило, осуществляющий более успешную оптимизацию коммуникации по параметру времени. Классическое сложение требует менее длинной программы, а значит, операции будут осуществлены быстрее, что *оптимизирует* время коммуникации в ее темпоральном измерении⁸. Между тем в случае использования оператора КВУС машина сначала оценивает длину последовательности (превышает ли она тот или иной предел, в данном случае это число 57) и лишь потом завершает квусирование.

С другой стороны, и социальный горизонт или контекст оказывается значимым для валидации смысла в рамках соответствующего правила. Мера сложности (простоты) является достаточно очевидным критерием, который помогает индексировать те или иные правила также и в *социальном* измерении коммуникации. Ведь сама функция смысла или правила состоит в редуцировании сложности в процессе интерпретации получаемых сообщений. В этом смысле оператор ПЛЮС эффективнее редуцирует сложность возможных (потенциальных) интерпретаций.

Заключение

Вышеизложенные рассуждения позволяют нам уточнить и одновременно обобщить поставленную проблему «идентичности смыслообразования», еще раз зафиксировать ее трансдисциплинарное значение и предложить некоторые подходы к ее решению. Многообразие миров, контекстов, горизонтов, как бы их ни понимать, с одной стороны, и многообразие возможных комбинаций элементов языка — с другой, составляют фундаментальные условия эволюционной *вариативно-*

⁸ Так, при суммировании двойки и единицы (*упрощенно* представленном на ленте как 01011), чтобы получить искомую тройку (111), машине Тьюринга требуется лишь заменить 0 на 1, а 1 на 0.

сти языка⁹, которые в свою очередь делают возможной и социальную эволюцию, то есть эволюцию институтов как специфических типов коммуникаций.

Мы не склонны проговаривать одно и то же несколько раз, а если и проговариваем, то в различающихся мирах или коммуникативных средах синтаксически идентичные выражения получают различные смыслы. Но как соединены эти *миры*, эти языковые *медиа* как массивы потенциально возможных событий (необозримые комбинации слов, вариативные наполнения неполных дескрипций в смысле Б. Рассела)? Все означенные коммуникативные миры или *медиа* как слабо связанные массивы возможных комбинаций, на фоне которых профилируются конкретные речевые акты как формы этого медиа, в каком-то смысле актуализируются в каждом предложении или сообщении, в котором «выразительное» предстает и как «изобразительное», и как «повелительное» (в смысле Ю. Хабермаса). Но как в этом случае расшифровывать именно «посланное» содержание предложения? Следует ли вообще пытаться верифицировать содержание, которое было первоначально заложено в коммуникативном сообщении? Или в условиях недоступности чужого сознания мы никогда не удостоверимся в общности воспринимаемого смысла? Эта же проблема, но в другом преломлении, вставала в некоторых версиях философии сознания. Что объединяет ощущение «боли» у меня, Другого, человека, ощущающего фантомную боль, мазохиста, робота, животного или марсианина? Эта же проблема занимает и философию науки. Откуда мы знаем, что атрибутируем познаваемым объектам те или иные свойства или признаки, если процедуры верификации не позволяют нам различить объективно различающиеся, но наблюдательно недоступные предикаты? Как, например, отличить стандартный смысл или предикат «зеленый» от экстравагантного смысла или предиката «зелесиний»¹⁰? Данная проблема составляет ключевой вопрос и социальной теории: как возможно понимание Другого, как возможен социальный порядок, если всякая коммуникация имеет принципиально бинарный характер и распадается на вербальное (объективно данное, оптически или акустически презентированное) сообщение и извлекаемую из него всегда гипотетическую информацию, в адекватности которой интерпретирующий ее Другой не способен удостовериться?

Рабочая гипотеза.

Приблизиться к решению означенной проблемы можно, на наш взгляд, если реконструировать присутствующие в языке «естественные» способы *соединения* миров, контекстов, горизонтов или измерений, в

⁹ Эту вариативность можно понимать как варианты вербализаций неполных дескрипций в смысле Б. Рассела, способных обретать полноту в самых разных контекстах и мирах.

¹⁰ Как отличить научное сообщение «все изумруды зеленые» от «псевдонаучного» сообщения «все изумруды зелесиние» и этим ограничить рамки *научной* коммуникации? Ведь не существует процедур верификации в случае атрибутирования объектам такого экстравагантного предиката, как, например, «зелесиний». «Объект является зелесиним тогда и только тогда, когда под наблюдением он зеленый, а вне наблюдения — синий» (Goodman, 1965, p. 74).

которых может быть зафиксирована осмысленность предложения в зависимости от тех значений, которые предложение или сообщение (как бы локализованное в этом пространстве измерений) получает в каждом из измерений. Как только эти значения произнесенного предложения как-то зафиксированы и другим участникам коммуникации стало ясно, с какими референциями это предложение связано, наступает понимание (или непонимание), акцептация (или отклонение) предложенного смысла, и коммуникация в зависимости от этого может продолжиться (или не продолжиться) дальше. Зафиксировать смысл сообщения — значит зафиксировать то, в какой мере сообщение отвечает внешнемировым *селекционным* требованиям, исходящим из объектного, субъективного и социального мира (если, конечно, мы используем схему Хабермаса). Сообщение, чтобы быть отобранным (= понятным, акцептированным), должно оцениваться на предмет выполнения «притязаний на значимость»: быть истинным, убедительным, правдоподобным. Но даже и в этом случае в силу заложенной в языке способности *отрицания*, синтаксически выраженной частичкой «не», а также благодаря тому, что выполнение всех этих требований как раз и проясняет смысл заявленных притязаний, сообщение может отрицаться и отклоняться. Это, с одной стороны, создает эволюционный простор для новых языковых комбинаций, но одновременно ставит под вопрос социальный порядок и генерирует конфликты.

Как же язык и общество реагировали на самопроизведенную ими проблему отрицания (= отклонения коммуникации)? Наша рабочая гипотеза состоит в том, что в самом языке обнаруживаются эволюционные механизмы, нейтрализующие отрицание. И даже само отрицание как рефлексивный или самообращенный процесс выказывает свойства, позволяющие воспроизводить, а не разрушать общество. Так или иначе отрицание *требует сохранения* отрицаемого, ведь то, что следует отрицать, надо хранить в памяти ввиду возможной будущей встречи с данным контентом. Так, инквизиционные списки запрещенных книг сохраняли и передавали информацию о том, что как раз следует читать в первую очередь. Так же и нынешние реестры СМИ — иностранных агентов ориентируют читателя на достойные внимания и авторитетные массмедиа.

Но в качестве главного внутриязыкового эволюционного механизма, нейтрализующего отрицание и стабилизирующего ключевые коммуникативные смыслы, выступают, на наш взгляд, *пропозициональные установки* как своего рода «носители или каркасы типовых внешних миров», *косвенные контексты*, в которые словно «помещаются» фактические положения дел или пропозиции. Произведенные в языке косвенные контексты или операторы «я знаю, что...», «я надеюсь, что...», «я помню, что...», «я хочу, чтобы...», «я воображаю, что...» словно защищают предложение от отрицания, подвешивают пропозиционально утверждаемую фактуру, примерно так же, как исследователь защищает свой тезис от критики, формулируя его, подобно нам, в формате «рабочей гипотезы».

Открытие Рассела состояло в том, что полный смысл определенной дескрипции (и все сообщения, с нашей точки зрения, являются в этом смысле неполными дескрипциями) раскрывается лишь в такой интер-

претации, где определяются и контексты (внешние миры, горизонты, правила приписывания смыслов, коммуникативные среды). Только в этом случае кристаллизуется нечто, что можно отклонить как ложное или на каком-то другом основании, например в связи с несоответствием психическому миру (знанию Георга IV, не знавшего, что «Скотт — автор “Веверлея”», хотя и знавшего, что «Скотт — это Скотт»). В этом смысле определенная дескрипция получает полноту не только путем квантификации (в предметном измерении коммуникации) или отнесения к субъективному миру сознания (знанию Георга IV), но и посредством отнесения ко всем возможным внешним мирам или коммуникативным средам. В косвенных контекстах эксплицитно и синтаксически точно обнаружится та информация, которая содержалась в сообщении «Георг IV знает, что Скотт — это Скотт, но не знает, что Скотт — автор “Веверлея”». Мы соотносим высказывания с конкретным сознанием и одновременно определяем его диапазон или контент, как бы соединяя объектный и психический миры. Мы определяем мир или контекст, в который помещаем сообщения, и осуществляем *сравнение* произнесенного сообщения с гипотетическим содержанием сознания, то есть с субъективным миром. В косвенных контекстах, собственно, и осуществляется тот самый синтез предложения и его контекстов: мира должного, мира сущего, мира аффектуального, мира ценностного, мира ожидаемого, познаваемого, прошлого и будущего; в них соединяются «субъективность», «долженствование» (императивность, социальность) и фактичность («Я хочу, чтобы шел дождь», «Я помню, что вчера был дождь», «Я надеюсь, что пойдет дождь», «Я знаю, что идет дождь», «Хорошо, что идет дождь». Именно с этими синтетическими достижениями косвенных контекстов не справляется отрицание. Ведь добавление оператора к фактическому контенту сообщения (*хочу, чтобы...; помню, что...; надеюсь, что...*) делает само сообщение неуязвимым, поскольку оно не противоречит другой, «противоположной» пропозициональной установке: другому желанию, другой надежде, другой ценности, но лишь добавляется к фактическому положению дел и к другому возможному оператору.

Подготовка статьи поддержана грантом РНФ, проект №21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

Список литературы

- Луман Н. Медиа коммуникации. М., 2004.
- Смирнов А. В. Процессуальная логика и ее обоснование // Вопросы философии. 2019. №2. С. 5—17.
- Смирнов А. В. Мыслить значит разворачивать связность // Вопросы философии. 2019. №2. С. 48—60.
- Barth Fr. Ritual and Knowledge Among the Baktaman of New Guinea. New Haven, 1975.
- Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934.
- Campbell D. Blind Variation and Selective Retention in Creative Thought as in Other Knowledge Processes // Psychological Review. 1960. Vol. 67. P. 380—400.
- Campbell N. R. Foundations of Science. N. Y., 1957.

- Delancey C. S.* Meaning Naturalism, Meaning Irrealism, and the Work of Language // *Synthese*. 2007. Vol. 154, №2. P. 231 – 257.
- Gavrilets S.* Fitness Landscapes and the Origin of Species. Monographs in population biology. Princeton University Press, 2004. Vol. 41.
- Giddens A.* The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge, 1984.
- Grice H. P.* Studies in the Way of Words. Harvard University Press, 1989.
- Goodman N.* Fact, Fiction and Forecast. Indianapolis, 1965.
- Habermas J.* On the Pragmatics of Communication. Cambridge, 2003.
- Kripke S.* Wittgenstein on rules and private language: An Elementary Exposition. Cambridge (Mass.), 1982.
- Luhmann N.* Evolution of science // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017. Vol. 51, №1. P. 215 – 233.
- Miller A.* Horwich, Meaning and Kripke's Wittgenstein // *Philosophical Quarterly*. 2000. Vol. 50 (199). P. 161 – 174.
- Morris M.* Kripke on proper names // *An Introduction to the Philosophy of Language*. Cambridge Introductions to Philosophy. Cambridge, 2006. P. 74 – 93.
- Putnam H.* Psychological Predicates // *W. H. Capitan and D. D. Merrill (eds.)*. Art, Mind, and Religion. Pittsburgh, 1967. P. 37 – 48.
- Reicher M.* Nonexistent objects // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2019. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/nonexistent-objects/> (дата обращения: 29.05.2021).
- Routly R.* Exploring Meinong's Jungle and Beyond. Canberra, 1980.
- Russell B.* On Denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14. P. 479 – 493.
- Schutz A.* Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie. Frankfurt a/M, 1974.
- Suppe F.* The Search for Philosophic Understanding of Scientific Theories // *Suppe F. (ed.) The Structure of Scientific Theories*. University of Illinois Press, 1974. P. 221 – 260.

Об авторах

Раиса Эдуардовна Бараши, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; научный сотрудник, Русское общество истории и философии науки, Россия.
E-mail: raisabarash@gmail.com

Александр Юрьевич Антоновский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН; профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.
E-mail: antonovski@iph.ras.ru

Для цитирования:

Бараши Р. Э., Антоновский А. Ю. Зачем нам в языке частичка «не». Эволюция семантических структур и пропозициональные установки // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2022. Т. 13, №2. С. 99 – 120. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-5.

WHY DO WE NEED THE PARTICLE “NOT”: EVOLUTION OF SEMANTIC STRUCTURES AND PROPOSITIONAL ATTITUDES

R. E. Barash¹, A. Yu. Antonovskiy²

¹ Russian Society of History and Philosophy of Science
Russia, 105062, Moscow, Lyalin per., 1/36, bldg. 2, 2

² Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Russia, 109240, Moscow, Goncharnaya st., 12/1

Submitted on August 04, 2021

doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-5

The article investigates the problem of the universally significant meaning of communicative messages. This framework problem implies answering more specific questions – is there a reality (correlative to the meaning of judgments) that would guarantee the universality of the meanings of linguistic expressions; is there a reality behind moralizing or judgments of taste that ensures agreement on value judgments if they become the content of communication. What provides the typical identity of mental states (thoughts, perceptions, representations, sensations) in different individuals, when these states are thematized in communication? Is there a typical correlation behind them in reality, which ensures the identity of mental states? The article posits that propositional attitudes act as “carriers” or frameworks of typical communicative environments, indirect contexts in which propositional content are localized as the main – intralingual – evolutionary mechanism that stabilizes key communicative meanings. Indirect contexts produced in the language or the operators “I know that...”, “I hope that...”, “I remember that...”, “I want that...”, “I imagine that...” protect sentences from negation and make it possible to reproduce universally significant meanings.

Keywords: semantics, evolution of semantics, negation, system-communicative theory, language

References

- Barth, Fr., 1975. *Ritual and Knowledge Among the Baktaman of New Guinea*. New Haven: Yale University Press.
- Bühler, K., 1934. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Jena.
- Campbell, D., 1960. Blind variation and selective retentions in creative thought as in other knowledge processes. *Psychological Review*, 67, pp. 380–400.
- Campbell, N.R., 1957. *Foundations of Science*. New York: Dover Publications.
- Delancey, C.S., 2007. Meaning Naturalism, Meaning Irrealism, and the Work of Language. *Synthese*, 154 (2), pp. 231–257.
- Gavrilets, S., 2004. *Fitness Landscapes and the Origin of Species. Monographs in population biology*, 41. Princeton University Press.
- Giddens, A., 1984. *The constitution of society: Outline of the theory of structuration*. Cambridge: Polity Press.
- Goodman, N., 1965. *Fact, Fiction and Forecast*. Indianapolis: Bobbs-Merrill.
- Grice, H.P., 1989. *Studies in the Way of Words*. Harvard University Press.
- Habermas, J., 2003. *On the Pragmatics of Communication*. Cambridge: Polity Press.
- Kripke, S., 1982. *Wittgenstein on Rules and Private Language: An Elementary Exposition*. Cambridge: Harvard University Press.
- Luhmann, N., 2004. *Media kommunikatsii* [Media communications]. Moscow: Logos (in Russ.).

- Luhmann, N., 2017. Evolution of science. *Epistemology & Philosophy of Science*, 51 (1), pp. 215–233.
- Miller, A., 2000. Horwich, Meaning and Kripke's Wittgenstein. *Philosophical Quarterly*, 50 (199), pp. 161–174.
- Morris, M., 2006. Kripke on proper names. In: M. Morris, ed. *An Introduction to the Philosophy of Language. Cambridge Introductions to Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 74–93.
- Putnam, H., 1967. *Psychological Predicates*. In: W.H. Capitan and D.D. Merrill, eds. *Art, Mind, and Religion*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, pp. 37–48.
- Reicher, M., 2019. *Nonexistent objects*. In: Stanford Encyclopedia of Philosophy. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/nonexistent-objects/> [Accessed at 29 May 2021].
- Routly, R., 1980. *Exploring Meinong's Jungle and Beyond*. Canberra: Research School of the Social Sciences.
- Russell, B., 1905. On Denoting. *Mind*, 14, pp. 479–493.
- Schutz, A., 1974. *Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie*. Frankfurt a/M: Suhrkamp.
- Smirnov, A. V., 2019. Is a Process-Based Logic Possible? *Voprosy filosofii*, 2, pp. 5–17 (in Russ.).
- Smirnov, A. V., 2019. Mind is a Capacity to Develop an Epistemic Chain. *Voprosy filosofii*, 2, pp. 48–60 (in Russ.).
- Suppe, F., 1974. The Search for Philosophic Understanding of Scientific Theories. In: F. Suppe, ed. *The Structure of Scientific Theories*. University of Illinois Press, pp. 221–260.

The authors

Dr Raisa E. Barash, Leading Researcher, Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences; Researcher, the Russian Society for the History and Philosophy of Science, Russia.
E-mail: raisabarash@gmail.com

Prof. Alexander Yu. Antonovskiy, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia.
E-mail: antonovski@iph.ras.ru

To cite this article:

Barash, R.E., Antonovskiy, A. Yu. 2022, Why do we need the particle “not”: evolution of semantic structures and propositional attitudes, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 2, p. 99–120. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-5.

